

Окончание.
Начало в "РМ" №4163.

«Я вспоминаю...»

Рассказывает Наталья Борисовна Зайцева-Соллогуб

В ноябре 1933 года по всей Франции разнеслась весть о том, что Ивану Алексеевичу Бунину присуждена Нобелевская премия по литературе. Телеграмма пришла из Швеции. Это был праздник всей русской колонии в Париже, всей русской эмиграции. Мой отец был счастлив за Бунина — и как за друга, и, конечно, как за писателя, русского писателя.

Он в тот же день написал об этом статью ("Бунин увенчан") и вечером помчался в редакцию газеты "Возрождение", чтобы успеть сдать материал в ближайший номер. Выйдя из редакции, взволнованный и счастливый, он обошел все бистро на Place d'Italie, в каждом выпивая по рюмке за славу своего друга! Мама волновалась, что он так долго не возвращался домой.

Иван Алексеевич помолодел, он был очень растроган. После возвращения из Стокгольма к Буниным валил народ, были бесконечные приемы. Но очень значительную часть премии Иван Алексеевич передал в помощь своим собратьям по перу.

В 1933 году все мы еще не знали, что многое в нашей жизни скоро изменится, что начнется война, оккупация, унижения, потери. Всю войну Бунины жили в Грассе, а мы в Париже. Удавалось посылать другу только короткие весточки.

Когда война кончилась и мои родители вновь встретились с Буниными в Париже, Иван Алексеевич был другой — что-то случилось с ним. Он тяжело болел, худел, раздражался. Материально Буниным было очень трудно — Нобелевская премия давно была прожита. А в эмиграции в это время начался разброд. Вскоре произошел и раскол на тех, кто сочувствовал Советам и тех, кто не верил Сталину. Станным образом мой отец и Бунин оказались в разных лагерях.

В 1948 году Ивана Алексеевича пригласило советское полпредство на какой-то ужин, и он пошел.

Надо, конечно, учесть, что тогда каждый писатель хотел, чтобы его начали печатать в России. И многие думали, что, раз Советы хотят изда-

вать писателей-эмигрантов, значит, там что-то переменялось и если бы начали печатать Бунина, то почему бы не стали издавать Зайцева и других?..

Но папа был абсолютно непоколебим. Он не верил ни минуты в то, что при Сталине может быть что-то положительное.

А насчет их расхождений, я считаю, что вышло все просто досадно. Иван Алексеевич к тому времени очень болел, и ему надо было прощать многое. У него не осталось уже сил бороться. Он был рад, что его книги хотя бы печатают в России. Слава Богу! Еще в эмиграции бывали такие бабки, которые приходили от одного к другому и сплетничали, передавали, весьма искаженно, всякие разговоры: у Буниных против Зайцева и наоборот. Отношения испортились совершенно. Началась целая кампания в прессе, где Ивана Алексеевича очень осуждали. И он решил, что мой отец полностью на стороне этих людей. Но это было не так, хотя принципиально отец не поддерживал Бунина и не одобрял его сближения с советскими представителями.

Когда Иван Алексеевич слег, мы с мужем к нему приходили. С папой у него контактов не было, а меня с мужем он принимал. Бунины нас действительно любили как своих детей. Но Иван Алексеевич не хотел, чтобы мы его видели в тяжелом состоянии, и он с нами разговаривал из другой комнаты. Я думаю, он и сам не мог смириться с тем, что силы покидают его, он хотел остаться в нашей памяти бодрым и полным жизни. Через неделю Ивана Алексеевича не стало. Его хоронил весь Париж. Народу была масса.

Борису Константиновичу Зайцеву — 90 лет.
Одна из последних фотографий.

Папа очень страдал. В некрологе в "Русской мысли" он привел свое последнее письмо к Ивану Алексеевичу, на которое Иван Алексеевич уже не смог ответить. В письме были боль от разрыва и признание в искренней дружбе. До конца дней отец и мысленно, и в своих работах обращался к Бунину — его творчеству, его жизни. Он любил Бунина.

После смерти Ивана Алексеевича Вера Николаевна долго не была у моих родителей. Но, когда у мамы случился удар, Вера Николаевна сама пришла. (Она была истинной христианкой, добрым и хорошим человеком.) И хотя мама не могла ни говорить, ни двигаться, а только смотрела, в этих глазах было все — и счастье, что пришла "ее Верун", и благодарность. Отношения восстановились. Но Ивана Алексеевича уже не было.

Вера Николаевна умерла через несколько лет, а в 1965 году — моя мама. Мой отец остался один.

Папино горе было глубоким — его

жизнь стала воспоминанием о любви, о своей Вере. Память возвращала его в молодость, в Россию, в трудные первые годы эмиграции: он разбирал свой архив, читал и перечитывал письма жены.

Видимо, не сразу родилась у него мысль опубликовать переписку двух Вер — своей и Веры Николаевны Буниной. Он готовился к этому несколько лет. И вот в 1967-м и 1968-м вышли две книги — "Повесть о Вере" и "Другая Вера", в которых жизни и судьбы двух замечательных русских женщин, двух подруг, жен двух писателей вновь переплелись.

Отец всегда очень следил за политикой, хотя сам политикой не занимался. Но он совершенно определенно имел интуицию и знал, что можно и чего нельзя. Он никогда, даже в самые тяжелые времена немецкой оккупации в Париже, не коллаборировал, никогда у фашистов не печатался, так же, как и никогда не заигрывал с Советами. Да, он был в числе запрещенных в СССР, и поэтому, когда к нему стали приезжать из России деятели литературы, он это очень высоко ценил.

Когда у отца в гостях был К. Паустовский, очень тепло они встретились и долго-долго разговаривали. Сохранилась чудная фотография этой встречи. В 62-63-м годах приезжал академик Михаил Алексеев из Пушкинского дома. Мама тогда была еще жива, и мы с мужем отвезли Алексеева с супругой в квартиру родителей. Это был милейший человек. Интеллигент в полном смысле слова.

А начиная с 65-го года у отца многие бывали из России: Владимир

Солоухин, Юрий Казаков. Очень хотел прийти Александр Твардовский, но его явно не пустили. Они договорились, что Твардовский придет как-то утром: но накануне его секретарша позвонила и сказала, что Твардовский срочно уезжает в 7 утра...

Наталья Кончаловская приходила к папе просто в гости. Они очень долго беседовали. Бывала вдова Михаила Булгакова — она оставила о себе очень приятное впечатление.

С Борисом Пастернаком папа был знаком еще до эмиграции. А потом, в пятидесятые, возобновилась их переписка и продолжалась до самой смерти Бориса Леонидовича. Отец тяжело переживал трагическую судьбу и изгнание внутри своей страны этого большого писателя. У отца есть несколько работ, посвященных Б. Пастернаку и его памяти.

В сентябре 1971 года, мы тогда еще жили в Отай вместе с папой (мама уже умерла), к нам вдруг пришел из комиссариата какой-то чиновник, довольно смущенный, и сказал, что им дано распоряжение, чтобы господин Зайцев утром и вечером приходил бы в комиссариат регистрироваться: должен приехать Брежнев, а так как господин Зайцев враг большевиков, то ему необходимо прийти и расписаться. Мой отец очень смеялся. Он говорил: "Хорошо, я могу, если я такой враг, расписаться, а потом между двумя подписями пойти и убить Брежнева". Он был страшно горд, что считался опасным террористом! Ему было 90 лет, и он через четыре месяца умер, не дожив до 91 года. И тогда я, конечно, взяла у доктора свидетельство, что ходить в комиссариат он не будет, что это ему трудно, а потом пошла в комиссариат и немножко поскандалила — что это за безобразие, какой же старик террорист?! "Это не мы выдумали, — мне говорят, — это у нас такой приказ из Москвы. Если ваш отец не может приходить, к нему будет приезжать чиновник". И утром, и вечером к нам приходили. Но самое курьезное было в том, что как раз в эти дни мы должны были переехать на новую квартиру. И я об этом предупредила, а мне сказали: "Тогда вы в комиссариат вашего нового округа должны заявить, и к вам оттуда будут приходить".

И вот мы приехали на нашу новую квартиру, но вышло так, что в этот день лифт не действовал, а мой отец не мог подниматься на шестой этаж. Тогда наши друзья Мамонтовы сказали, что с удовольствием приютят папу, пока лифт не пустят. В этот самый день Брежнев уехал из Парижа в Марсель, так что я опять пошла в комиссариат и сказала, чтобы они не думали, что мой отец поехал за Брежневым, а просто не действует лифт, и он ночует у друзей! И к отцу приходили из того округа, где жили Мамонтовы. Эта история имела продолжение — вся литературная общность эмиграции была возмущена, и в печати был опубликован "Протест Литературного фонда" против действия властей. А папа смеялся.

Как давно все это было! Уже 25 лет прошло со дня папиной смерти — он был последним из писателей Серебряного века, друзья ушли раньше.

Папа верил, что в России все переменится, пробьется что-то светлое: об этом он судил по литературе, по тем брожениям, которые были в 60-е годы. Папа любил говорить: "Мы — капля России", он не мыслил себя без Родины.

Вот уже скоро 10 лет, как его книги вернулись русскому читателю. Он мечтал об этом. И я счастлива, что его внуки и правнуки сегодня живут с верой в Россию и гордятся именем своего деда.

Париж

Записала ОЛЬГА РОСТОВА